

МЕЖДУНАРОДНОЕ СПОРТИВНОЕ ПРАВО

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-88-101>

Исследовательская статья

Поступила в редакцию: 23.05. 2020

Принята к публикации: 20.06.2020

Лариса Ивановна ЗАХАРОВА

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, Москва, 125993, Российская Федерация

lizakharova@msal.ru

ORCID: 0000-0003-4968-0134

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СПОРТЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ И КОРПОРАТИВНЫХ СТАНДАРТОВ

ВВЕДЕНИЕ. В некоторых областях регулирования международной спортивной деятельности доминирующая роль принадлежит *lex sportiva* (например, установление правил спортивных соревнований) или праву, созданному государством / государствами (например, борьба с преступностью в спортивной сфере). В ряде сфер регулирующее воздействие одновременно оказывают и международное спортивное право, и *lex sportiva*. Целью статьи является рассмотрение того, как два данных нормативных комплекса способствуют соблюдению прав человека в спорте. Три задачи, которые преследовал автор, – подвергнуть анализу процесс интерференции регулятивных усилий на примерах запрета дискриминации, применения *lex mitior*, противодействия допингу в спорте.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В каждом из трех рассматриваемых случаев перечислены применимые международно-правовые акты и акты *lex sportiva*, изучена отечественная и зарубежная доктрина, привлечены материалы практики Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) и Спортивного арбитражного суда (КАС). Из общенаучных методов использовались субстратный (содержательный), структурный и системный подходы, в качестве использованных частнонаучных методов следует назвать сравнительно-правовой и герменевтический подходы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Раскрыто содержание международно-правовых и корпоративных стандартов, сформировавшихся в сфере запрета дискриминации, применения *lex mitior*, противодействия допингу. В результате их сравнения автор приходит к следующим выводам: международное право и *lex sportiva* едины в вопросе о необходимости искоренения дискриминации в спорте; *lex sportiva* стремится к применению правового стандарта *lex mitior*; в сфере борьбы с допингом выявлен ряд несоответствий между международно-правовыми и корпоративными стандартами, признаваемыми *lex sportiva*.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Запрет дискриминации являет собой пример гармонизации, в результате которой требования международного спортивного права и *lex sportiva* взаимно дополняют и усиливают друг друга. Вторым изученный случай – пример успешной рецепции *lex sportiva* правовой концепции *lex mitior*, давно известной национальному и международному праву. При противодействии допингу на современном этапе доминирует *lex sportiva*, и несоблюдение в полном объеме требований «должной процедуры» и, в частности, презумпции невиновности профессиональных спортсменов не может не вызывать обеспокоенность академического сообщества и ЕСПЧ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное право, *lex sportiva*, запрет дискриминации, *lex mitior*, нарушение антидопинговых правил, Организация Объединенных Наций (ООН), ЕСПЧ, КАС, Международная федерация футбола (ФИФА), Союз европейских футбольных ассоциаций (УЕФА), Футбол против расизма в Европе (ФАРЕ)

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Захарова Л.И. 2020. Права человека в спорте: взаимодействие международно-правовых и корпоративных стандартов. – Московский журнал международного права. № 2. С. 88-101. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-88-101>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL SPORTS LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-88-101>

Larisa I. ZAKHAROVA

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 125993

lizakharova@msal.ru

ORCID: 0000-0003-4968-0134

Research article
Received May 23, 2020
Approved June 20, 2020

HUMAN RIGHTS IN SPORT: INTERACTION OF INTERNATIONAL LEGAL AND CORPORATE STANDARDS

INTRODUCTION. In some areas of international sports regulation, it is *lex sportiva* (for example, the establishment of rules for sports competitions) or the law created by the State / States (for example, the fight against crime in sports) that plays a dominant role. In a number of areas, international sports law and *lex sportiva* exercise regulatory impact simultaneously. The purpose of the article is to examine how these two sets of regulations contribute to the observance of human rights in sport. The author's three goals were to analyze the process of interference of regulatory efforts based on examples of prohibiting discrimination, using *lex mitior*, and countering doping in sports.

MATERIALS AND METHODS. In each case, the author listed the applicable international legal acts and acts of *lex sportiva*, studied the domestic and foreign doctrine, used the jurisprudence of the European Court of Human Rights (ECtHR) and the Court of Arbitration for Sport (CAS). The author utilised such general scientific methods as the substratum (content), struc-

tural and system approaches. The comparative and hermeneutical approaches should be named as specific scientific methods that were used.

RESEARCH RESULTS. The author characterised the content of the international legal and corporate standards that have been formed in the spheres of prohibiting discrimination, using *lex mitior*, and countering doping. As a result of their comparison, she comes to the following conclusions: international law and *lex sportiva* are unanimous in their intent to eliminate discrimination in sports; *lex sportiva* seeks to apply the legal standard of *lex mitior*; in the field of anti-doping, a number of inconsistencies have been identified between international legal and corporate standards recognized by *lex sportiva*.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The prohibition of discrimination is an example of harmonization, as a result of which the requirements of international sports law and *lex sportiva* complement and strengthen each other. The second case is an example of the suc-

cessful reception by lex sportiva of the legal concept of lex mitior, which is well-known to national and international law. When countering doping at the present stage, it is lex sportiva that dominates, and the failure to fully comply with the requirements of "due process" and, in particular, with the presumption of innocence in respect of professional athletes is a cause of concern to the academic community and the ECtHR.

KEYWORDS: *international law, lex sportiva, prohibition of discrimination, lex mitior, violation of anti-doping rules, United Nations (UN), ECtHR, CAS, Fédé-*

ration Internationale de Football Association (FIFA), Union of European Football Associations (UEFA), Football against Racism in Europe (FARE)

FOR CITATION: Zakharova L.I. Human rights in sport: interaction of international legal and corporate standards. – *Moscow Journal of International Law*. 2020. No 2. P. 88–101. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-88-101>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Общественные отношения в области международной спортивной деятельности могут регулироваться как международно-правовыми актами, так и актами, которые вырабатываются международными неправительственными организациями Олимпийского и Паралимпийского движения без участия государств. Нормативные комплексы, которые возникают в результате такой деятельности, – международное спортивное право и *lex sportiva* – являются принципиально разными по своей природе и существенно отличаются друг от друга по предмету регулирования, субъектам, создающим такие нормы, источникам, их закрепляющим¹.

В некоторых сферах человеческой жизнедеятельности один из вышеупомянутых регуляторов явно доминирует. Так, например, бесспорна лидирующая роль норм *lex sportiva*, оформившихся задолго до появления спортивного права в конкретных государствах [Понкин, Понкина 2012:110-111], при установлении правил спортивных соревнований: «Еще задолго до появления законов о спорте и, тем более, нормативно-правовой систематизации в этой области, люди уже бегали наперегонки и преодолевали препятствия, состязаясь между собой. И уже тогда существовали правила, определявшие высоту прыжка, длину беговой дорожки, условия прове-

дения состязаний» [Jestaz 1981:315]. Для обозначения тренировочно-соревновательных отношений, регулируемых исключительно нормами *lex sportiva* с учетом принципа автономии спорта, в отечественной научной литературе предлагается термин «ядро спорта» [Юрлов 2018:622]. Природа этих норм негосударственная и транснациональная [Jessup 1956:8-9, 108; Latty 2011:34; Duval 2013:825-831]. Необходимость первостепенных по значимости усилий государств становится заметной на таком направлении, как борьба с преступностью в спортивной сфере (привлечение к административной или уголовной ответственности за организацию договорных матчей, иное манипулирование результатами спортивной деятельности, хулиганское поведение спортивных болельщиков и т.д.)². Совокупность международно-правовых норм, регулирующих сотрудничество государств по вышеобозначенным и иным вопросам в области спорта (противодействие допингу, поощрение физической активности и здорового образа жизни и др.), образует международное спортивное право. В ряде случаев наблюдается своеобразная интерференция регулятивных усилий – «взаимопроникновение, взаимообогащение и взаимное нелинейное усиление» международного спортивного права и *lex sportiva*³. Одной из сфер, которая одновременно подвергается регулирующему воздействию обоих нормативных комплексов, являются права человека в спорте. Установление в этой области

¹ Подробнее см.: Захарова Л.И. *Международное спортивное право. Учебник для бакалавров*. М.: Проспект. 2017. С. 12-20.

² *Спорт и противоправное поведение: учебник*. Под ред. С.В. Алексеева. М.: Проспект. 2017. С.101-112, 184-185, 190-191, 203-215.

³ Соловьев А.А. 2012. Систематизация законодательства о спорте (российский и зарубежный опыт). Дис. ... доктора юрид. наук. Москва. 2012. С. 34, 276, 280.

подходов, общих для *lex sportiva* и международного спортивного права (унификация), соответствовало бы букве и духу Казанского плана действий Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки, культуры (ЮНЕСКО) от 15 июля 2017 г. (в частности, пп. 7, 9, 11, 12) и четырем задачам Глобального плана действий Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по повышению уровня физической активности на 2018–2030 гг., однако пока это представляется перспективой на будущее. Вместе с тем мысль о том, что международно-правовые стандарты в сфере защиты прав человека могут существенно ограничивать автономность спортивных организаций, все отчетливее звучит в доктрине уже сейчас [Cornu, Cuendet, Vidal 2017:22]. Проследим взаимодействие существующих международно-правовых и корпоративных стандартов на нескольких примерах: запрет дискриминации, применение принципа *lex mitior* и противодействие допингу.

2. Запрет дискриминации

Дискриминация (лат. *discriminatio* – различие) – это умаление в правах определенных групп людей по причине их расовой, национальной, гендерной принадлежности, на основании их политических взглядов, социального статуса, имущественного положения или иных признаков. В начале становления Олимпизма можно было обнаружить значительное количество различных проявлений дискриминации. Олимпийские игры Древней Греции регламентировались основополагающими законами Олимпии или *канонами*. Они запрещали участвовать в состязаниях рабам, варварам, т. е. тем, кто не мог доказать, что он грек и свободный человек; лицам, преступившим закон, в первую очередь виновным в умышленном или непредумышленном убийстве, а также в святотатстве; гражданам, на которых был наложен штраф, а также женщинам [Mestre 1981:6]. Кроме того, всем женщинам в античном

мире запрещалось присутствовать на олимпийских соревнованиях и в качестве зрительниц – в те времена для них проводились другие спортивные состязания, куда, в свою очередь, был воспрещен вход мужчинам. Представительницы женского пола приняли участие в соревнованиях по конному спорту, гольфу и теннису только на возрожденных Олимпийских играх 1900 г.

В тексте Олимпийской хартии уже в 1920 г. получила закрепление идея о том, что Олимпийские игры будут проводиться каждые четыре года для спортсменов-любителей «на максимально равной основе»⁴. В настоящее время принцип запрещения любых форм дискриминации является одним из специальных принципов *lex sportiva*. Четвертый фундаментальный принцип Олимпизма, закрепленный в Олимпийской хартии, провозглашает занятия спортом в качестве одного из прав человека: «Каждый должен иметь возможность заниматься спортом без какой-либо дискриминации, в духе Олимпизма...». Рекомендация 14 в «Олимпийской повестке дня 2020» от 9 декабря 2014 г. содержала в себе призыв усилить шестой фундаментальный принцип Олимпизма о запрете дискриминации по признаку сексуальной ориентации⁵. В Олимпийской хартии в редакции от 26 июня 2019 г. дискриминация запрещена по широкому спектру оснований: «по признаку расы, цвета кожи, пола, сексуальной ориентации, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, обладания собственностью, рождения или иного статуса»⁶.

Расширенный перечень оснований, запрещающих дискриминацию в Олимпийской хартии, воспроизведен в учредительных актах международных федераций по олимпийским видам спорта, например, с апреля 2016 г. в ст. 4 Устава Международной федерации футбола (далее – ФИФА)⁷. Впервые запрет дискриминации был закреплен в Уставе ФИФА в 1962 г. – в нем в числе обязанностей национальных футбольных ассоциаций было указано на предотвращение

⁴ International Olympic Committee: Charte Olympique – Annuaire. P.8. URL: https://stillmed.olympic.org/media/Document%20Library/OlympicOrg/Olympic-Studies-Centre/List-of-Resources/Official-Publications/Olympic-Charters/FR-1920-Charte-Olympique-Statuts-olympiques.pdf#_ga=2.48567906.537317006.1589991915-1144076990.1587379351 (accessed 19.05.2020).

⁵ International Olympic Committee: Olympic Agenda 2020. URL: https://stillmed.olympic.org/Documents/Olympic_Agenda_2020/Olympic_Agenda_2020-20-20_Recommendations-ENG.pdf (accessed 19.05.2020).

⁶ International Olympic Committee: Olympic Charter in force as from 26 June 2019. URL: https://stillmed.olympic.org/media/Document%20Library/OlympicOrg/General/EN-Olympic-Charter.pdf#_ga=2.53665132.537317006.1589991915-1144076990.1587379351 (accessed 19.05.2020).

⁷ Fédération Internationale de Football Association. URL: http://resources.fifa.com/mm/document/affederation/gener-ic/02/78/29/07/fifastatutsweben_neutral.pdf (accessed 20.05.2020).

расовой, религиозной или политической дискриминации или проведения различия между игроками в зависимости от их статуса (любитель/профессионал)⁸.

С точки зрения современного международного права запрет любых форм дискриминации индивида является составной частью одного из основных его принципов – принципа уважения прав и основных свобод для всех без различия расы, пола, языка и религии (ст.1 Устава Организации Объединенных Наций (далее – ООН)). ООН, ее специализированные учреждения, в первую очередь Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки культуры (далее – ЮНЕСКО), и многие другие международные межправительственные организации нацелены в своей деятельности на искоренение всех возможных форм дискриминации⁹. На универсальном уровне действуют следующие международные договоры, которые вводят запрет дискриминации по различным основаниям: Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Конвенция ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Конвенция о правах ребенка 1989 г., Конвенция о правах инвалидов 2006 г. Наряду с международными договорами существует множество рекомендательных международно-правовых актов в данной сфере: Декларация принципов международного культурного сотрудничества ЮНЕСКО 1966 г., Декларация ЮНЕСКО о расе и расовых предрассудках 1978 г., Декларация ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 г., Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992 г., Декларация принципов терпимости ЮНЕСКО 1995 г., Декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии

2001 г., Декларация ООН о правах коренных народов 2007 г. Так, международно-правовой запрет дискриминации, содержащийся в п. 1 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, п. 2 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, адресован государствам, и они обязаны обеспечить его соблюдение в отношении всех физических лиц, находящихся под их юрисдикцией, включая спортсменов, поскольку корреспондирующие этим обязательствам права являются неотъемлемой составляющей *общего* правового статуса личности. Дополнительные права должны обеспечиваться государствами вследствие *специального (родового)* правового статуса отдельным категориям лиц – например, спортсменам-паралимпийцам (п. 5 ст. 30 Конвенции о правах инвалидов гарантирует более полное участие лиц с инвалидностью в общепрофильных спортивных мероприятиях на всех уровнях), спортсменам-юниорам (ст. 31 Конвенции о правах ребенка закрепляет право ребенка участвовать в играх и развлекательных мероприятиях, соответствующих его возрасту), спортсменам – представителям коренных народов (ст. 31 Декларации о правах коренных народов провозглашает их право на сохранение, контроль, охрану и развитие культурного наследия, в т. ч. спорта и традиционных игр).

Запрету расовой дискриминации в области спорта всецело посвящена Международная конвенция против апартеида в спорте 1985 г.¹⁰. В ней закреплено легальное определение апартеида: понятие «апартеид» означает такую систему узаконенной расовой сегрегации и дискриминации с целью установления и поддержания господства одной расовой группы людей над другой расовой группой людей и ее систематического угнетения, которая проводится в Южной Африке, а «апартеид в спорте» означает осуществление политики и практики такой системы в спортивной деятельности, как среди профессионалов, так и среди любителей (ст. 1). Участвующие в

⁸ Fédération Internationale de Football Association: Good Practice Guide on Diversity and Anti-Discrimination. P.2. URL: <https://resources.fifa.com/image/upload/diversity-and-anti-discrimination-at-fifa.pdf?cloudid=arn2ylavxd26pnn2l83i> (accessed 20.05.2020).

⁹ Резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН провозглашены специальные международные дни: в 1966 г. – Международный день борьбы за ликвидацию расовой дискриминации (21 марта), в 1999 г. – Международный день борьбы за ликвидацию насилия в отношении женщин (25 ноября), в 2000 г. – Международный день мигранта (18 декабря), в 2007 г. – Международный день памяти жертв рабства и трансатлантической работорговли (25 марта) в дополнение к уже отмечавшемуся ЮНЕСКО Международному дню памяти о работорговле и ее ликвидации (23 августа).

¹⁰ Международная конвенция против апартеида в спорте от 10 декабря 1950 г. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apartheid_in_sports.shtml (дата обращения: 19.05.2020).

конвенции государства-участники решительно осудили апартеид и приняли обязательство всеми средствами проводить политику ликвидации практики апартеида в спорте во всех ее формах. В области спортивной деятельности это обязательство трансформировалось в недопущение спортивных контактов со страной, практикующей апартеид, и принятие мер для того, чтобы их спортивные организации, в т. ч. национальные олимпийские комитеты, национальные спортивные федерации, команды и отдельные спортсмены не вступали в такие контакты (ст. 3). Предполагалось, что столь жесткие ограничения будут отменены, когда в ЮАР будет ликвидирована система апартеида. В качестве контрольного механизма была учреждена Комиссия против апартеида: государства-участники принимали обязательство передавать в Комиссию регулярные доклады о законодательных, юридических, административных мерах, принятых ими в целях имплементации Конвенции. После рассмотрения докладов Комиссия делала предложения и рекомендации общего характера. В 1981 г. благодаря ее усилиям был опубликован первый реестр спортивных контактов с ЮАР [Sanctioning Apartheid...1990:89]. Такой «черный список», в котором были указаны имена спортсменов, принявших участие в спортивных соревнованиях в Южной Африке, публиковался ежегодно вплоть до 1994 г., когда режим апартеида был официально отменен.

На региональном уровне особых успехов достиг Суд Европейского Союза (далее – ЕС), который, опираясь на учредительные акты ЕС, к настоящему времени вынес немало количество решений, направленных на искоренение дискриминации в профессиональном спорте по признаку гражданства при условии, что речь идет о спорте как экономической (трудовой) деятельности [Weatherill 2014:21-60].

Европейский футбол также прилагает заметные усилия, чтобы изжить столь уродливое явление, как дискриминация. В декабре 2000 г. Союз европейских футбольных ассоциаций (далее – УЕФА) ужесточил меры дисциплинарной ответственности, чтобы пресечь проявления расизма на европейских матчах и начал актив-

но применять их в отношении зачинщиков расистских выходок. В это же время в Европе возникла зонтичная организация «Футбол против расизма в Европе» (далее – ФАРЕ; англ. Football against Racism in Europe – FARE), которая провозгласила своими целями борьбу против расизма, гомофобии и других форм дискриминации и использование спорта в качестве инструмента для социальной интеграции. В настоящее время она объединяет более 130 групп (группы болельщиков, правозащитные организации, любительские футбольные клубы и др.) из 35 европейских стран¹¹. Вначале проекты ФАРЕ были главным образом нацелены на искоренение нетерпимости по признаку расовой или этнической принадлежности. Теперь масштаб ее деятельности расширяется. Одна из последних инициатив ФАРЕ заключается в содействии интеграции беженцев и лиц, ищущих убежища, в том числе посредством вовлечения в занятие футболом: формируются команды, организуются соревнования, оказывается содействие в поиске жилья и трудоустройстве. В настоящее время реализуются проекты такого рода в 26 европейских странах¹².

В марте 2003 г. УЕФА совместно с ФАРЕ провели конференцию, на которой было принято руководство «Вместе против расизма в европейском футболе». В нем были приведены примеры проявлений расизма, которые омрачали радость игры на многих европейских футбольных аренах в период с 1991 г. по 2003 г., и сформулирован план действий, которому необходимо следовать. УЕФА поощряет антирасистские акции национальных футбольных ассоциаций путем выделения денежных средств из специально созданного в этих целях фонда. В настоящее время действует план УЕФА для искоренения расизма, который наряду с обязательствами профессиональных футбольных клубов привлекать к ответственности игроков и болельщиков, допускающих проявления расизма, предполагает необходимость взаимодействия с ассоциациями игроков, болельщиков, учебными заведениями, молодежными клубами, местными органами власти, коммерческими структурами и правоохранительными органами для разработки программ действий и пропаганды антирасистских кампаний¹³.

¹¹ О сети ФАРЕ. Доступ: <http://www.farenet.org/about-fare/russian/> (дата обращения: 20.05.2020).

¹² Refugees and football – Who is doing what and where. – Network FARE. URL: <https://www.farenet.org/campaigns/refugees-football-database/> (accessed 20.05.2020).

¹³ См.: Вместе против расизма в европейском футболе. Рекомендации УЕФА. Доступ: <http://ru.uefa.org/newsfiles/82820.pdf> (дата обращения: 20.05.2020).

В июне 2017 г. в преддверии восьмого Кубка конфедераций под эгидой Международной федерации футбола (далее – ФИФА) в целях повышения осведомленности стюардов и служб безопасности ФАРЕ подготовило и распространило «Руководство по дискриминационным практикам в мировом футболе», позволяющее идентифицировать расистские, неонацистские, антисемитские, сексистские, гомофобные, анти-мигрантские символы и лозунги, используемые футбольными болельщиками в каждой из шести региональных конфедераций ФИФА¹⁴.

Незадолго до этого ФИФА внедрила инновационную систему контроля за поведением болельщиков на трибунах, которая использовалась для пресечения любых проявлений расовой дискриминации на матчах Кубка конфедераций в июне-июле 2017 г. и на всех отборочных турнирах чемпионата мира по футболу – 2018 с марта 2015 г. по ноябрь 2017 г. Независимые наблюдатели от ФАРЕ анализируют обстановку на всем протяжении подготовки и проведения футбольных матчей. В течение 24 часов после игры они представляют ФИФА полный отчет об обстановке на территории спортивной арены. Если в нем зафиксированы факты проявления расизма или дискриминации, ФИФА может наложить санкции на сторону, ответственную за проведение матча, и на конкретных лиц¹⁵.

В декабре 2019 г. ФИФА опубликовала Руководство надлежащей практики по обеспечению разнообразия и борьбе с дискриминацией¹⁶. В Руководстве обозначены пять основных направлений, по которым нужно предпринимать конкретные меры для обеспечения разнообразия и искоренения дискриминации в футболе: выработка соответствующей политики; осуществления контроля и использования санкций за всякие проявления расизма и дискриминации; осуществление коммуникаций с широкой общественностью; организация образовательных проектов и кампаний; сотрудничество с органами государственной власти и неправительствен-

ными структурами, выполняющими сходные функции, и создание сетевых структур.

В вопросах, касающихся запрещения дискриминации, мы наблюдаем редкостное единодушие между международным спортивным правом и *lex sportiva*. И если даже Олимпийская хартия 1920 г. осудила дискриминацию раньше, чем это сделала Всеобщая декларация прав человека 1948 г., современное международное право стремится к искоренению этого негативного социального явления по большему количеству направлений – не только по признакам расовой и национальной принадлежности, в первую очередь привлекающих внимание спортивного мира, но и по таким основаниям, как гендер, возраст, принадлежность к малочисленным коренным народам и др.

3. *Lex mitior*

Lex mitior (лат. – наилучший закон) – это правовой принцип, в соответствии с которым при квалификации правонарушения и определении меры наказания для обвиняемого необходимо руководствоваться более благоприятным законом, даже если инкриминируемые ему действия были совершены нарушителем до вступления этого закона в силу.

Многие международно-правовые акты отражают эту идею. Например, ч. 1 ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – МПГПП) провозглашает: «Никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо действия или упущения, которое согласно действовавшему в момент его совершения внутригосударственному законодательству или международному праву не являлось уголовным преступлением. Равным образом не может назначаться более тяжкое наказание, чем то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления. Если после совершения преступления законом устанавливается более легкое наказание, действие этого закона распространяется на данного преступника»¹⁷.

¹⁴ См.: Global guide to discriminatory practices in football. – *Network FARE*. URL: <https://www.farenet.org/wp-content/uploads/2017/06/Russian-%d1%82%d0%90%d0%a3-Global-guide-to-discriminatory-practices-in-football-AW.pdf> (accessed 20.05.2020).

¹⁵ Терлецкий С., Цой Д. ФИФА ужесточит меры по борьбе с расизмом на ЧМ – 2018. – *Известия*. 05.10.2016. Доступ: <http://izvestia.ru/news/636089#ixzz4MCmEEEJo> (дата обращения: 20.05.2020).

¹⁶ Fédération Internationale de Football Association : Diversity and anti-discrimination at FIFA. URL: <https://resources.fifa.com/image/upload/diversity-and-anti-discrimination-at-fifa.pdf?cloudid=arn2ylavxd26pnn2l83i> (accessed 20.05.2020).

¹⁷ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 20.05.2020).

Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. в части III выделяет наряду с такими общими принципами уголовного права, как *nullum crimen sine lege* (ст. 22) и *nulla poena sine lege* (ст. 23), и отсутствие обратной силы *ratione personae* (ч. 2 ст. 24: «В случае внесения изменения в закон, применимый к данному делу до вынесения окончательного решения, применяется закон, более благоприятный для лица, которое находится под следствием, в отношении которого ведется судебное разбирательство или которое признано виновным»¹⁸).

Пониманию содержания принципа *lex mitior* способствует Постановление, вынесенное Большой Палатой Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по делу «*Скоппола против Италии*» (№ 2) от 17 сентября 2009 г. В нем ЕСПЧ пришел к выводу о том, что ч. 1 ст. 7 («Наказание исключительно на основании закона») Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – ЕКПЧ) не только вводит запрет ретроспективного применения более сурового уголовного законодательства, но и имплицитно принцип ретроспективного применения более мягкого уголовного законодательства. «Этот принцип закреплен в правиле, согласно которому в случае противоречий между актом уголовного законодательства, действовавшим во время совершения правонарушения, и последующими актами уголовного законодательства, принятыми перед вынесением окончательного решения, суд должен применять тот закон, положения которого более благоприятны для обвиняемого» (§ 109)¹⁹. Это решение является результатом общеевропейского консенсуса по данному вопросу, который с полной определенностью был обозначен в ч. 1 ст. 49 Хартии основных прав Европейского Союза 2000 г.: «Не может налагаться наказание более тяжелое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения правонарушения. Если после совершения правонарушения зако-

ном устанавливается более легкое наказание, оно подлежит применению»²⁰.

Конституция Российской Федерации закрепляет принцип *lex mitior* в ст. 54, которая обосновывает необходимость руководствоваться при квалификации правонарушения и определении меры наказания для обвиняемого более благоприятным законом. В ч. 1 закреплен подход, в соответствии с которым закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. Ч. 2 ст. 54 российской Конституции отражает принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* (лат. – «нет преступления и наказания без закона»). Она провозглашает: «Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон».

Принцип *lex mitior* находит закрепление в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве различных государств. Так, он отражен в ч. 2 ст. 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации²¹, в которой изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту. Принцип *lex mitior* закреплен и в ч. 2 ст. 2 Уголовного кодекса Швейцарии, в соответствии с которым положения Кодекса применяются в отношении любого лица, совершившего до его вступления в силу преступление небольшой или средней тяжести, или тяжкое преступление (фелонию), при условии, что установленная в нем мера наказания является более мягкой²².

Ст. 20.8.2 Общероссийских антидопинговых правил, утвержденных Приказом Минспорта РФ № 947 от 9 августа 2016 г. (в ред. 2019 г.), оставляет за Российским антидопинговым агентством возможность принципа применения более мягкого наказания (*lex mitior*) при привлечении к

¹⁸ Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. Доступ: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 20.05.2020).

¹⁹ European Court of Human Rights: *Scoppola v. Italy* (No. 2). Judgment. Application No.10249/03 September 17, 2009. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{\"itemid\":\[\"001-94135\"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{\) (accessed 21.05.2020).

²⁰ European Parliament: Charter of Fundamental Rights of the European Union. URL: http://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (accessed 21.03.2020).

²¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (ред. от 12 ноября 2018 г.). – *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921.

²² Swiss Criminal Code date December 21, 1937. URL: <https://www.admin.ch/opc/en/classified-compilation/19370083/index.html> (accessed 21.04.2020).

ответственности лица, виновного в нарушении антидопинговых правил²³.

Отечественные исследователи считают, что *lex mitior* входит в число общих принципов, на которых построен Всемирный антидопинговый кодекс, которые, хотя и не перечислены в отдельной его статье, однако раскрываются в самом тексте документа²⁴. Ссылки на принцип *lex mitior* фигурируют и в целом ряде решений, вынесенных Спортивным арбитражным судом в Лозанне (далее – КАС), в т. ч. в арбитражных решениях по таким резонансным делам, как *М. Платини против ФИФА* от 9 мая 2016 г. и *Й. Блаттер против ФИФА* от 5 декабря 2016 г.²⁵. В п. 148 решения по делу *М. Платини против ФИФА* панель арбитров констатировала: новая норма не применяется, если только она не является более благоприятной для обвиняемого, чем та, которая действовала в момент нарушения. В ходе разбирательства по делу *Й. Блаттер против ФИФА* у арбитров, в частности, возник вопрос, в какой редакции следует применять Кодекс ФИФА по этике – в редакции 2009 г. или 2012 г. в отношении выплаты в размере 2 млн швейцарских франков без соответствующего контрактного обязательства, осуществленной в феврале 2011 г. Если бы арбитры признали наличие устного соглашения о будущей выплате, которое якобы имело место в 1998 г., тогда никакое положение регламентных норм ФИФА не было бы применимо вовсе, поскольку первая редакция Кодекса ФИФА по этике была принята только в 2004 г. КАС в п. 95 своего решения по делу *Й. Блаттер против ФИФА* ссылается на принцип «закон обратной силы не имеет» (запрет ретроспективного применения нормы), называя его «фундаментальным принципом швейцарского права» и «составной частью международного публичного порядка». При этом он упоминает, что единственным исключением является *lex mitior*, в соответствии с

которым должно применяться новое положение закона, если оно является более благоприятным для обвиняемого чем то, что действовало в момент совершения правонарушения.

Все вышеизложенные соображения позволяют прийти к выводу, имеющему как теоретические, так и практические последствия. Похоже, мы наблюдаем процесс гармонизации подходов в международном праве и *lex sportiva* в вопросе о принципах, которыми следует руководствоваться при определении наказания за допущенные нарушения установленных норм. Вместе с тем применение общей для обоих регуляторов установки руководствоваться принципом *lex mitior* вызывает немало вопросов на практике. Сложности могут возникнуть, если предметом дисциплинарного разбирательства в рамках ФИФА станут, например, нарушения антикоррупционных правил, закрепленные в Кодексе ФИФА по этике в последнее время. Редакция Кодекса по этике, принятая 10 июня 2018 г. в Москве и вступившая в силу 12 августа 2018 г.²⁶, закрепила ряд составов, отсутствовавших в редакции от 17 июля 2012 г.: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 25), нецелевое расходование средств (ст. 28), манипулирование футбольными матчами или соревнованиями (ст. 29). Все эти составы сохранились и в редакции Кодекса ФИФА по этике 2019 г.²⁷. Такой состав, как взяточничество (ст. 27), присутствовал в редакции Кодекса 2012 г., однако, начиная с редакции 2018 г. и поныне, в п. 3 ст. 27 более четко определена санкция – штраф не менее 100 тыс. швейцарских франков и запрет принимать участие во всякой деятельности, связанной с футболом, на срок не менее пяти лет. Аналогичным образом ст. 26 нынешней редакции Кодекса устанавливает меру наказания за участие в пари, азартных играх или подобных видах деятельности, упоминание о которой отсутствовало в ст. 25 Кодекса в редакции 2012 г., –

²³ Приказ Минспорта России от 09 августа 2016 г. № 947 (ред. от 17 января 2019 г.) «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил». Доступ: <https://rulings.ru/acts/Prikaz-Minsporta-Rossii-ot-09.08.2016-N-947/> (дата обращения: 21.04.2020).

²⁴ Барабанова Е.А. Международно-правовое и внутригосударственное противодействие допингу в спорте. Дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2019. С. 59-60, 69.

²⁵ Tribunal arbitral du sport: Michel Platini c. FIFA. Sentence. TAS 2016/A/4474. 9 mai 2016. Para 148. URL: http://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/sentence_4474_FINAL_internet.pdf (accessed 21.04.2020); Court of Arbitration for Sport: Joseph Blatter v. FIFA. Award. CAS 2016/A/4501. December 5th 2016. Para. 95. URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/4501.pdf> (accessed 21.04.2020).

²⁶ Fédération Internationale de Football Association: FIFA Code of Ethics. 2018 edition. URL: <https://resources.fifa.com/image/upload/fifa-code-of-ethics-2018-version-takes-effect-12-08-18.pdf?cloudid=uemlkcy8wwdtlll6sy3j> (accessed 20.05.2020).

²⁷ Fédération Internationale de Football Association: FIFA Code of Ethics. 2019 edition. URL: <https://resources.fifa.com/image/upload/fifa-code-of-ethics-2019.pdf?cloudid=fmhdml5mjyqnrlljmmst> (accessed 20.05.2020).

штраф не менее 100 тыс. швейцарских франков и запрет принимать участие во всякой деятельности, связанной с футболом, на срок до трех лет. Вместе с тем, начиная с 2018 г. и до настоящего времени, ст. 12 Кодекса ФИФА по этике предусматривает сокращение срока давности привлечения к ответственности за предусмотренные им нарушения с десяти до пяти лет (общее правило), а в отношении взяточничества, нецелевого расходования средств и посягательств на физическую и психическую неприкосновенность личности – с неограниченного периода времени до десяти лет. Все эти изменения последнего времени дают немалую пищу для размышлений по поводу того, что следует считать *lex mitior* в отношении лиц, виновных в нарушении этических правил, действующих в ФИФА.

4. Борьба с допингом: презумпция виновности

Правочеловеческий аспект этого направления взаимодействия международного спортивного права и *lex sportiva* представляется самым проблематичным. В первую очередь следует указать на нарушения права спортсмена на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (ст. 6 ЕКПЧ, ст. 14 МПГПП). Ч. 3 ст. 14 МПГПП содержит перечень минимальных процессуальных гарантий, которые должны быть предоставлены каждому обвиняемому на основе полного равенства при рассмотрении любого уголовного обвинения: право быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявляемого обвинения; право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты; право быть судимым без неоправданной задержки и в его присутствии; право защищать себя лично или с помощью защитника; право иметь назначенного защитника безвозмездно для обвиняемого лица в том случае, когда у него нет достаточно средств для оплаты этого защитника; право на вызов и допрос свидетелей; право пользоваться бесплатной помощью переводчика; право не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным²⁸.

Должны ли предоставляться эти гарантии при определении прав и обязанностей спортсмена в ходе осуществления дисциплинарного производства по делу в юрисдикционном органе спортивной организации или арбитражного производства в КАС? ЕСПЧ ответил на этот вопрос положительно при вынесении Постановления по делу Муту и Пехштайн против Швейцарии от 2 октября 2018 г.²⁹ – таким образом, ФИФА и иные международные спортивные федерации должны осознавать, что ЕСПЧ считает себя наделенным юрисдикцией следить за тем, как их юрисдикционные органы соблюдают «должную процедуру» в отношении прав спортсменов [Rietiker 2020], и что Суд, возможно, вновь выскажется по этому вопросу при вынесении Постановления по делу Али Риза против Швейцарии (его жалоба от 11 ноября 2011 г. коммуницирована Правительству Швейцарии в марте 2019 г.). Позицию ЕСПЧ о необходимости соблюдения процессуальных гарантий в ходе разбирательства в международных спортивных федерациях и КАС разделяют и представители академических кругов [Jerabek, Ferreira de Andrade, Figueroa 2017:7; Van der Sloot, Paun, Leenes 2020:109-111].

При положительном ответе на вопрос о гарантиях, обеспечивающих справедливое разбирательство для спортсменов, экстраполяция международно-правового подхода означала бы, что спортсмен, заподозренный в употреблении запрещенных препаратов, должен считаться невиновным до установления его вины в ходе дисциплинарного или арбитражного производства по делу, причем, во-первых, разбирательство должно быть справедливым и публичным, во-вторых, юрисдикционный орган, разрешающий дело, должен быть компетентным, независимым и беспристрастным и, в-третьих, в ходе разбирательства подозреваемому должны обеспечиваться определенный минимум процессуальных гарантий.

Однако у академического сообщества и ЕСПЧ сохраняется множество сомнений по поводу того, насколько успешно спортивный мир следует этой международно-правовой формуле при разрешении споров, соблюдено ли право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Вопросы

²⁸ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 20.05.2020).

²⁹ European Court of Human Rights: Mutu et Pechstein c. Suisse. Arrêt. Requêtes nos. 40575/10 et 67474/10. 2 octobre 2018. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{\"itemid\":\[\"001-186434\"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{\) (accessed date: 20.05.2020).

вызывают сложность дисциплинарных процедур, используемых национальными и международными спортивными организациями, порядок формирования юрисдикционных органов спортивных организаций, недостаточное внимание спортивного мира к требованиям «должной процедуры» (англ. *due process*), сохранявшийся в течение длительного времени запрет спортсменам обращаться в суды общей юрисдикции [Rigozzi 2005:99-102]. В российской научной литературе и сейчас наблюдается весьма сдержанное отношение в оценке роли государственных судов при разрешении споров в области спорта [Иглин 2012:31-33; Жабин 2012:9-23; Юрлов 2015:111-113]. Подтверждением сохраняющегося критического настроения в этой области является признание нарушения ч. 1 ст. 6 ЕКПЧ, допущенного Швейцарией (в части необеспечения публичного характера антидопинговых слушаний и несоблюдения права спортсмена защищать себя лично в КАС), в отношении всемирно известной немецкой конькобежки К. Пехштайн в Постановлении ЕСПЧ по делу *Муту и Пехштайн против Швейцарии*. КАС весьма оперативно отреагировал на это Постановление внесением изменений в ст. R 57 Кодекса спортивного арбитража 1994 г., которые вступили в силу 1 января 2019 г. и теперь предполагают необходимость проведения публичных слушаний по просьбе заявителя – физического лица³⁰. Вместе с тем невозможно утверждать, что в ходе нынешних разбирательств в КАС полностью обеспечивается вся совокупность процессуальных гарантий, перечисленных в ч. 3 ст. 14 МПГПП. Отечественные авторы высказывают сомнения по поводу стабильности сложившейся системы, допуская тем самым возможность ее изменения [Пешин 2019:57].

Заметный шаг вперед сделала ФИФА, закрепив ряд процессуальных гарантий в Дисциплинарном кодексе в ред. 2019 г. Во-первых, теперь при рассмотрении дел об антидопинговых нарушениях заявитель в установленном порядке может обратиться с просьбой провести публичные слушания (ч. 7 ст. 50). Во-вторых, индивиды, находящиеся в затруднительном финансовом положении, могут запросить у ФИФА юридиче-

скую помощь (ч. 1 ст. 42). В зависимости от обстоятельств заявитель может быть освобожден от издержек, связанных с необходимостью оплаты дисциплинарного разбирательства, ему может быть назначен бесплатный защитник (англ. *pro bono counsel*), в разумных пределах ему могут быть компенсированы издержки, связанные с проездом, размещением, вызовом по его инициативе свидетелей и экспертов (ч. 4 ст. 42)³¹.

Особую озабоченность вызывает нарушение такой важной составляющей права спортсмена на справедливое судебное разбирательство, как презумпция невиновности. Она нормативно закреплена в целом ряде международно-правовых актов. Так, ч. 1 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека провозглашает: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты»³². По мнению А. Риготци, принцип презумпции невиновности «применим при условии, что будет осуществлено его должное толкование применительно к сфере спорта» [Rigozzi 2005:648] – верность этого суждения, вероятно, еще предстоит осмыслить судебной практике.

В настоящее время в *lex sportiva* наблюдается прямо противоположная презумпция – предположение о том, что спортсмен, в организме которого обнаружены запрещенные вещества, априори виновен. Всемирный антидопинговый кодекс, разработанный Всемирным антидопинговым агентством (далее – ВАДА), и в своей редакции 2015 г., и в новой редакции, которая вступит в силу с 1 января 2021 г., содержит понятие объективной ответственности (англ. *strict liability*): это правило, в соответствии с которым для установления нарушения антидопингового правила антидопинговая организация не обязана доказывать наличие умысла, вины, неосторожности или сознательного использования в действиях спортсмена по ст. 2.1 («Присутствие запрещенного вещества, его метаболитов или маркеров в пробе спортсмена») и 2.2 Кодекса («Использование или попытка

³⁰ Tribunal arbitral du sport: Code of Sports-related Arbitration. In force as from 1 January 2019. URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/Code_2019__en_.pdf (accessed date: 22.04.2020).

³¹ Fédération Internationale de Football Association: FIFA Disciplinary Code. 2019 edition. URL: <https://resources.fifa.com/image/upload/fffa-disciplinary-code-2019-edition.pdf?cloudid=i8zsk8xws0pyl8uay9i> (accessed 20.05.2020).

³² Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 22.05.2020).

использования запрещенного вещества или метода») (Приложение 1 «Определения»)³³. Аналогичным образом Антидопинговый регламент ФИФА (в ред. 2019 г.) провозглашает принцип объективной ответственности (п. 63 раздела I «Определения и толкование») и обязывает каждого игрока обеспечить, чтобы никакой запрещенный препарат не проник в его организм (ч. 1 ст. 6)³⁴. Для установления нарушения антидопингового правила ст. 8.1 Всемирного антидопингового кодекса (в новой редакции) вменяет в обязанность антидопинговой организации с полномочиями в области управления результатами провести справедливое слушание в разумный срок справедливой, беспристрастной и функционально независимой группой экспертов для разрешения спора в соответствии с Международным стандартом ВАДА по управлению результатами. Комментарий к ст. 8.1 отсылает к ч. 1 ст. 6 ЕКПЧ и называет вышеперечисленные требования «принципами, общепринятыми в международном праве», к соблюдению которых следует стремиться всем антидопинговым организациям.

Хотя упоминание о ЕКПЧ в комментарии к ст. 8.1 главного документа ВАДА вселяет сдержанный оптимизм в отношении перспектив соблюдения должной процедуры в будущем, в настоящее время во всех ситуациях нарушений антидопинговых правил, даже при самом необычном неблагоприятном стечении жизненных обстоятельств, КАС ссылается на действующие положения Всемирного антидопингового кодекса и антидопинговые документы международных федераций по олимпийским видам спорта и делает вывод о виновности спортсмена³⁵.

5. Заключение

Рассмотрев три разнообразные ситуации, в которых наблюдаются регулятивные усилия,

предпринимаемые одновременно и международным спортивным правом, и *lex sportiva*, можно прийти к следующим выводам. В случае запрета дискриминации, на наш взгляд, правовые нормы, создаваемые на национальном и на межгосударственном уровне, гармонично дополняются и усиливаются специфическими требованиями *lex sportiva*, действующими в отношении представителей спорта высших достижений. Во втором случае мы наблюдаем успешное заимствование *lex sportiva* концепции *lex mitior*, известной как национальному, так и международному праву. В третьем случае *lex sportiva* выступает как более влиятельный регулятор, и академическое сообщество и ЕСПЧ обеспокоены несоблюдением в полном объеме требований «должной процедуры» и, в частности, трансформацией известной правовой презумпции невиновности в презумпцию виновности, закрепленную в целом ряде актов *lex sportiva* в отношении спортсменов, в пробах которых были обнаружены запрещенные вещества. Оптимальной моделью взаимодействия между *lex sportiva* и международного спортивного права представляется гармонизация в нормативном регулировании спортивной деятельности: она может быть *односторонней*, как во втором случае (рецепция концепции *lex mitior* из права, созданного государствами), или *взаимной*, как в первом случае (запрет дискриминации в спорте, когда нормы международных договоров и актов «мягкого права» в сфере защиты прав человека становятся правозащитным ориентиром для включения в соответствующие корпоративные акты международных спортивных организаций Олимпийского и Паралимпийского движения).

Список литературы

1. Иглин А.В. 2012. Разрешение спортивных споров в национальных арбитражных органах. – *Российская юстиция*. № 5. С. 31-33.
2. Жабин Н.А. 2012. Правовые и организационные аспекты деятельности спортивных арбитражей, уч-

режденных в Российской Федерации. – *Спорт: экономика, право, управление*. № 4. С. 19-23.

3. Захарова Л.И. 2019. Дело Паоло Герреро: необходимость совершенствования антидопингового регулирования в футболе. – *Спортивное право в Республике Беларусь: сборник статей*. Вып. 9. Минск: ЮрСпектр. С. 52-59.

³³ World Anti-Doping Agency: World Anti-Doping Code. 2021. URL: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/2021_code.pdf (accessed date: 22.05.2020).

³⁴ Fédération Internationale de Football Association : FIFA antidoping regulations. 2019 edition. URL: <https://resources.fifa.com/image/upload/fifa-anti-doping-regulations.pdf?cloudid=ujtnvke2uqscz2pgs4ct> (accessed 20.05.2020).

³⁵ Например, см.: [Захарова 2019: 53-56].

4. Захарова Л.И. 2018. Рассмотрение спортивных споров в Европейском Суде по правам человека: современное состояние дел и некоторые перспективы на будущее. – *Международное правосудие*. № 1. С. 90-99. DOI: 10.21128/2226-2059-2018-1-90-99
5. Пешин Н.Л. 2019. Проблемы антидопингового обеспечения в контексте решений Спортивного арбитражного суда (Лозанна). – *Вестник Российского Международного Олимпийского Университета*. № 2. С. 48-57.
6. Понкин И.В., Понкина А.И. 2012. О корреляции lex sportiva и спортивного права. – *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. № 3. С. 109-118.
7. Юрлов С.А. 2015. *Спортивные споры и их разрешение: теория и практика*. М.: Инфотропик Медиа. 284 с.
8. Юрлов С.А. 2018. Развитие правовой науки в части исследования вопросов, связанных с нормативным регулированием спорта. – *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Право. Т. 9. Вып. 4. С. 620-639. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.412>
9. Cornu P., Cuendet S., Vidal L. 2017. *Disciplinary and Arbitration Procedures of the Sport Movement. Good practice handbook for judicial authorities*. Strasbourg: Council of Europe. 118 p.
10. Duval A. 2013. Lex Sportiva: a Playground for Transnational Law. – *European Law Journal*. Vol. 19. Issue 6. P. 822-84. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2317826>
11. Jerabek M.M., Ferreira de Andrade A.M., Figueroa A.M. 2017. FIFA's Hegemony: Examples from World Cup Hosting Countries. – *Global Society*. Vol. 31. Issue 3. DOI: <https://doi.org/10.1080/13600826.2016.1261807>
12. Jessup P. 1956. *Transnational Law*. New Haven: Yale University Press. 113 p.
13. Jestaz P. 1981. *Spectacle sportif et droit du sport*. Paris: PUF. 330 p.
14. Latty F. 2011. Transnational Sports Law. – *The International Sports Law Journal*. No. 1-2. P. 34-38.
15. Mestre A. 2009. *The Law of the Olympic Games*. The Hague: TMC Asser Press. 242 p.
16. Rietiker D. 2020. The European Court of Human Rights and FIFA: Current Issues and Potential Challenges. – *The European Convention on Human Rights Law Review*. Vol. 1. Issue 1. P. 62-104. DOI: 10.1163/26663236-00101002
17. Rigozzi A. 2005. *L'arbitrage international en matière du sport*. Bâle: Helbing & Lichtenhahn. 880 p.
18. *Sanctioning Apartheid*. Ed. by R. Edgar. 1990. Trenton, New Jersey: Africa World Press. 433 p.
19. Van der Sloot B., Paun M., Leenes R. 2020. *Athletes' Human Rights and the Fight Against Doping: A Study of the European Legal Framework*. The Hague: T.M.C. Asser Press. 258 p. DOI: 10.1007/978-94-6265-351-1
20. Weatherill S. 2014. Discrimination on Grounds of Nationality in Sport. – *European Sports Law. Collected Papers*. 2nd ed. The Hague: T.M.C. Asser Press. P. 21-62. DOI: http://doi-org-443.webvpn.fjmu.edu.cn/10.1007/978-90-6704-939-9_2
21. Europe. 2017. 118 p.
22. Duval A. Lex Sportiva: a Playground for Transnational Law. – *European Law Journal*. 2013. Vol. 19. Issue 6. P. 822-84. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2317826>
23. Iglin A.V. Razreshenie sportivnykh sporov v natsional'nykh arbitrazhnykh organakh [Settlement of sport disputes in national arbitration bodies]. – *Rossiiskaya yustitsiya*. 2012. No. 5. P. 31-33. (In Russ.)
24. Jerabek M.M., Ferreira de Andrade A.M., Figueroa A.M. FIFA's Hegemony: Examples from World Cup Hosting Countries. – *Global Society*. 2017. Vol. 31. Issue 3. DOI: <https://doi.org/10.1080/13600826.2016.1261807>
25. Jessup P. *Transnational Law*. New Haven: Yale University Press. 1956. 113 p.
26. Jestaz P. *Spectacle sportif et droit du sport*. Paris: PUF. 1981. 330 p.
27. Latty F. Transnational Sports Law. – *The International Sports Law Journal*. 2011. No. 1-2. P. 34-38.
28. Mestre A. *The Law of the Olympic Games*. The Hague: TMC Asser Press. 2009. 242 p.
29. Peshin N.L. Problemy antidopingovogo obespecheniya v kontekste reshenii Sportivnogo arbitrazhnogo suda (Lozanna) [Problems of anti-doping support in the context of the decisions of the Court of Arbitration for Sport (Lausanne)]. – *Vestnik Rossiiskogo Mezhdunarodnogo Olimpiiskogo Universiteta*. 2019. No. 2. P. 48-57. (In Russ.)
30. Ponkin I.V., Ponkina A.I. O korrelyatsii lex sportiva i sportivnogo prava [Correlation of the lex sportiva and the sports law]. – *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki*. 2013. No. 3. P. 109-118. (In Russ.)
31. Rietiker D. The European Court of Human Rights and FIFA: Current Issues and Potential Challenges. – *The European Convention on Human Rights Law Review*. 2020. Vol. 1. Issue 1. P. 62-104. DOI: 10.1163/26663236-00101002
32. Rigozzi A. *L'arbitrage international en matière du sport*. Bâle: Helbing & Lichtenhahn. 2005. 880 p.
33. *Sanctioning Apartheid*. Ed. by R. Edgar. Trenton, New Jersey: Africa World Press. 1990. 433 p.
34. Van der Sloot B., Paun M., Leenes R. *Athletes' Human Rights and the Fight Against Doping: A Study of the European Legal Framework*. The Hague: T.M.C. Asser Press. 2020. 58 p. DOI: 10.1007/978-94-6265-351-1
35. Weatherill S. Discrimination on Grounds of Nationality in Sport. – *European Sports Law. Collected Papers*. 2nd ed. The Hague: T.M.C. Asser Press. 2014. P. 21-62. DOI: http://doi-org-443.webvpn.fjmu.edu.cn/10.1007/978-90-6704-939-9_2
36. Yurlov S.A. Razvitie pravovoi nauki v chasti issledovaniya voprosov, svyazannykh s normativnym regulirovaniem sporta [The development of legal science with regard to researching issues relating to normative regulation of sport]. – *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 2018. Vol. 9. Issue 4. P. 620-639. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.412>
37. Yurlov S.A. *Sportivnye spory i ikh razreshenie: teoriya i praktika* [Sports disputes and their settlement: theory and practice]. Moscow: Infotropik Media Publ. 2015. 284 p. (In Russ.)
38. Zakharova L.I. Delo Paolo Guerrero: neobkhodimost' sovershenstvovaniya antidopingovogo regulirovaniya v futbole [Paolo Guerrero case: a need for improving the anti-doping regulation in football]. – *Sportivnoe pravo v Respublike Belarus': sbornik statei. Vyp. 9* [Sports law in the Republic of Belarus: a collection of articles. Issue 9].

References

1. Cornu P., Cuendet S., Vidal L. *Disciplinary and Arbitration Procedures of the Sport Movement. Good practice handbook for judicial authorities*. Strasbourg: Council of

- Minsk: YurSpektr Publ. 2019. P. 52-59. (In Russ.)
19. Zakharova L.I. Rassmotrenie sportivnykh sporov v Evropeiskom Sude po pravam cheloveka: sovremennoe sostoyanie del i nekotorye perspektivy na budushchee [Sport dispute settlement in the European Court of Human Rights: the current state of affairs and some prospects for the future]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2018. No. 1. P. 90-99. (In Russ). DOI: 10.21128/2226-2059-2018-1-90-99
20. Zhabin N.A. Pravovye i organizatsionnye aspekty deyatel'nosti sportivnykh arbitrazhei, uchrezhdennykh v Rossiiskoi Federatsii [Legal and institutional aspects of activities of the sports arbitration courts established in the Russian Federation]. – *Sport: ekonomika, pravo, upravlenie*. 2012. No. 4. P. 19-23. (In Russ.)

Информация об авторе**Лариса Ивановна Захарова,**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

125993, Российская Федерация, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9,

Lizakharova@msal.ru

ORCID: 0000-0003-4968-0134

About the Author**Larisa I. Zakharova,**

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 123001

Lizakharova@msal.ru

ORCID: 0000-0003-4968-0134